

Аксёнов Василий
Павлович

21.06.09

Василий Аксенов: «От Родины не откажешься, но домом Россию воспринимать пока сложновато»

Юрий КОВАЛЕНКО, Париж

Русский курьер - 2004 - 21 июня - с. 1, 5.

— Итак, Василий Павлович, вы окончательно завершили вашу педагогическую деятельность в Америке и вернулись назад на Старый континент, обосновавшись во французском курорте Биаррице. Добро пожаловать назад, в Европу! Но и в Соединенных Штатах вы прожили четверть века. Считаете ли вы эту страну своей второй родиной?

— У меня, честно говоря, как-то все перепуталось с моими ностальгиями, с моими ощущениями родины и не родины. Я точно знаю, что пребываю на планете Зе-

мля. Бродя Америка совсем уж не чужая, но в то же время она как-то мне надоела изрядно. Это не значит, что я совсем порвал с ней. Но какие-то ее черты отталкивают. Это ощущение для меня совсем не ново. Я ощущаю нужду вернуться на некоторое время домой, к своим, к русакам и к прочему населению этой державы. Но я знаю, что пройдет, скажем, два месяца, и начнет глотать какая-то космополитическая составная часть — «Что, мол, ты тут сидишь?! Сколько можно, возвращайся в Биарриц, а то и в Америку»... Что-то все перепуталось. Это результат, конечно,

изгнания и 25-летней жизни за пределами своего мира. Да и так называемый «свой» мир до того уж был безобразно хамским по отношению ко мне, что жалеть его вроде бы мало, но в то же время я понимаю, что все мои читатели в основном там, в России. И я знаю людей, которые меня читают, всегда себе представлял более или менее их и сейчас я вижу, что такие есть и среди молодого поколения. Я думаю, что они, как и я, чувствуют некоторый дискомфорт на родине. Синявский ее называл «родина-суха». Так, в общем-то, и есть. И ей еще много надо пройти, чтобы стать дейст-

вительно домом. От родины не откажешься, но домом Россию воспринимать пока еще сложновато.

— И что же больше всего мешает воспринимать Россию домом?

— Сейчас, конечно, все изменилось по сравнению с советом, но все-таки очень многое от него и осталось. И существует, и нарастает такая томительная шизофрения страны, населения, вкусов, попытки возврата в старое советское время, героизация этого времени. Получается, что чекисты — главные рыцари XX века.

Окончание на стр. 5

«От Родины не откажешься, но домом Россию воспринимать пока сложно»

Окончание.
Начало на стр. 1

«Парфенон не жлет»

— Не слишком ли все эти годы преподавание отвлекало вас от писательского труда?

— Вот тут есть какое-то противоречие. С одной стороны, университет — самое светлое место в Соединенных Штатах. Я в этом совершенно не сомневаюсь, и это просто то, что меня и привлекало к этой стране. Я каждый семестр приходил в новый класс — там же не бывает постоянных классов. Таким образом, я под считал, что за мои университетские годы я познакомился с тремя тысячами единиц американской молодежи. Немало, по-моему. Вот это пребывание на кампусе с толпами молодежи, с исходящей от них колоссальной позитивной энергией меня согревало и давало какой-то заряд. С другой стороны, мне, конечно, бесконечно жалко было писательского времени. Но, правда, были большие капризы — пять с половиной месяцев каждый год, и можно было что-то нагнать... Я не написал, наверное, нескольких книг из-за университета. Я выступал на своем прощальном вечере в университете и произнес речь под названием «Парфенон не жлет». Парфенон для меня — это университет в собирательном понятии. Он ни разу меня не предал в Америке, не обманул, в отличие от других структур.

— Кто же вас там обманывал?

— Мне порядком не везло в Америке — в писательском, в киношном и в театральном отношениях. Я написал хорошие вещи, но не везло в их продвижении. Никогда инициатива не исходила от меня. Появлялись какие-то люди и говорили: «Давай поставим фильм по «Острову Крым». — «Давайте. Охотно, приветствую». К тому же возникает возможность разбогатеть. Вступает в действие настоящая голливудская фирма с продюсером, собаку съевшим на этих делах. Потом все разваливается в результате разных причин. И таких случаев было довольно много. Но меня утешало, что я сам нигде не лез, не унижался. А я знаю очень многих наших, которые посвящали этому всю жизнь. Они ходят с каким-нибудь сценарием и пытаются его пристроить. Проходят годы и годы, а потом смотрят — и жизнь прошла...

— Вас даже приглашали в Национальный совет безопасности?

— Потрясающая идея была сделать фильм о советских военных в Афганистане. И мне пришла мысль написать сценарий типа «Звездный билет 80-х годов». Все закручивается, я сижу на каких-то совещаниях, создается специальная рабочая группа для связи с кинопродюсерами. И вдруг — «Ирангейт». Все разваливается, всех начальников из Национального совета безопасности выгоняют, и ни о каких проектах больше нет и речи. И такие все время со мной происходили всевозможные случаи. Режиссер Антуан Витез замечательно поставил мою пьесу «Цапля» в Париже. Его приглашают в Америку поставить эту пьесу. Он странно хочет, рвется в Америку, ведутся переговоры, и вдруг он умирает...

«Американская кириллица»

— Ваша новая книга «Американская кириллица» подводит итоги вашей заокеанской эпохи?

— Нет, это ни в коем случае не подведение итогов. Это спе-

циальный проект, связанный с американской премией «Либерти». Директор издательства «НЛО» Ирина Прохорова, которая тоже лауреат этой премии, хочет издать серию книг, написанных лауреатами и посвященных нашей Америке. У меня о ней получается много. Я выбираю какие-то фрагменты из книг, из романов, некоторые рассказы включаются целиком. Нить книги — американское влияние в моей работе. Я в ней говорю, что нельзя написать роман об Америке, но американский роман написать можно, и пишу о том, как Америка превращается в художественную метафору. Там у меня есть две не беллетристические познавательные книги об Америке. Америка внутри романа — то есть превращение бытового материала в оживленные и одухотворенные литературные образы. Или, применяя термин Виктора Шкловского, можно сказать, что это Америка под влиянием писательского отстранения.

— Существует ли сегодня русская Америка?

— Я думаю, что нет, в том смысле, в каком это всегда понималось. Нет эмиграции гонимой, без возврата. Бесконечная циркуляция туда-сюда. И большинство эмигрантов — мигранты, мигрирующая рабочая сила. И это совсем не то, что было при Советах: когда нас выгоняли, то как бы наведя. Русская Америка очень подвижна и распылена, и нельзя ее контуры наметить. В зоне Большого Нью-Йорка, согласно данным консульства, свыше миллиона русских живет, включая нелегально приехавших.

— Получается целая «пятая колония»...

— Не думаю, что сейчас КГБ очень озабочен сбором данных об Америке. Она стала даже как бы подпоркой для существования России, без которой может пропасть все.

— Но разве наш народ не расплавляется в знаменитом американском плавильном тигле?

— Конечно, расплавляется, но только второе поколение эмигрантов — оно всегда другое. Мало кто сохраняет язык в хорошем состоянии.

— Кто сейчас из известных русских писателей живет в США?

— Есть очень хороший романист Игорь Ефимов, писатель просто большого класса, но мало известный, к сожалению.

— Издана его переписка с Сергеем Довлатовым, которая надела много шума. Вдова Довлатова была против...

— Ефимов не этим только известен. Недавно я прочел его роман, какая-то инкарнация Холдена Колфилда из эсэлинджерского «Над пропастью во ржи». Книга местами просто замечательная. Но Ефимов такой скромный и не выходит на авансцену. Вот еще есть Юз Алешковский. А так все разбегались — кто вернулся, кто где-то осел в других странах.

— Где же печататься русским писателям в самой Америке?

— Можно печататься и в Москве — если ты писатель и заинтересован издателя. Издательство масса, цензуры никакой нет. Многие так делают.

— Но ведь на российский гонорары не выживешь?

— А российские гонорары не так уж проигрывают по отношению к американским. Правда, я иногда получал довольно большие. Скажем, за «Московскую сагу» — около 100 тысяч долларов аванса. В Америке ее первая

часть называлась «Покорение зимы», а вторая — «Герой зимы».

Национальный амок

— Некоторые наши соотечественники, вернувшись в Россию из Америки, публично сводят с ней счеты...

— В Америке масса минусов и моментов для критики, но в России она какая-то примитивная, из комплекса неполноценности, что ли. Пишут чепуху: Америка вот-вот развалится по этническим границам! Какие этнические границы? Их там нет вообще. Бред собачий! Или что каждый американский человек должен мировому сообществу 70 тысяч долларов и не отдаст!

— Чем же объяснить поразительный взрыв антиамериканизма во всем мире — не только в России, но и в Европе, я уже не говорю про мусульманские страны...

— Потому что одна такая супердержава. Международный жанр, который на самом деле нужен. Вы же знаете, что во Франции любят жанр мериньо, а жанрам здесь совсем не такое ругательное слово, как в России.

— Но жанрам должен действовать по правилам, а не творить, что ему заблагорассудится...

— Это не совсем так. События в Ираке, по-моему, неправильно понимают — нефть, мол, хотели захватить, свою волю навязать... Окупация Ирака — ответ на 11 сентября. Это же террористический акт грандиозного успеха! Первым ответом был Афганистан, но потом решили ответить так, чтобы мало не показалось и чтобы все поняли. И, видимо, главный мотив ошеломляющих выступлений мирового жанра в том, чтобы враги поняли, чем такие теракты кончаются. Ведь за ублюдками стояли довольно серьезные и солидные силы из арабского сотрудничества. Словом, это показательные выступления Америки, а отнюдь не направленные на изменение геополитики, захват рынков или что-то еще.

— Но жанрам не все хорошо просчиталось...

— Конечно. А очень трудно все просчитать, тем более что этнос этот находится в состоянии роющего возбуждения, и невозможно предугадать его поведение. В 1917-м году русских охватил какой-то национальный амок, и то же, видимо, сейчас с арабами происходит.

— Однако американцы так или иначе подогревают это возбуждение...

— Но они не могут уйти и смирились. Они не подогревают, а, наоборот, хотят охладить. И есть результаты. Например, Каддафи, который теперь становится товарищем Запада. Хочет всем заплакать, кого убил, чтобы на него не обижались.

— Как известно, все империи — от римской до советской — рано или поздно приходили в упадок и прекращали существование. Не грозит ли это Америке?

— Почему не грозит? Вполне грозит. Нет же ничего бесконечного. Когда-нибудь и человеческая раса исчезнет. У Америки есть большое преимущество — нет этнических границ, не возникнет гражданская война внутри. Но тем временем подрастает Китай. И если дальше так его развитие пойдет, он скоро басом начнет говорить и будет подавать не китайские блюда в своих ресторанах на Западе, а полностью что-то по-горячее.

— Джордж Буш, кажется, начинает выбираться из иракской трясины...

— Я думаю, что откуда они

выберутся. В этой стране 30 лет существовал чудовищный режим, который обслуживался миллионами людей. Они там так и сидят. Американцы с самого начала очень неправильно себя вели — демагогически кричали, что они не оккупанты, а освободители. Надо было сказать: да, мы оккупанты, мы вводим комендантский час, и на какое-то время для вашего развития будет держаться такой режим. Потом начнется постепенная «дезадаммизация» Ирака, за которой последует демократизация, как произошло со странами «оси» после войны — с Японией, Германией, Италией.

— Но эти жуткие зверства в тюрьмах...

— Это, конечно, свинство. Их придумали какие-то гады — они есть везде, и в Америке их очень много. И бизнес бесчеловечный, на самом деле существуют «акулы Уолл-стрит», над которыми столько раз смеялись. Но акулы нападают, когда жрать хотят, а корпорации, наоборот, когда обожались... И в полиции бывают такие случаи, когда люди звереют. Вообще довольно много безобразий среди человечества.

— Американцы недавно трогательно простились с Рейганом, и уже идут споры о том, был ли он великим президентом...

— Я не думаю, что он был уж таким великим... Я встречался с ним, был в Белом доме, когда пригласили диссидентов перед его поездкой в Москву — в ответ на визит Горбачева в 1987 или 1988 году. Он на меня произвел приятное впечатление, хотя казался немножко отсутствующим. Рейган — символ такого американского оптимизма, и, на мой взгляд, он здорово оказался в нужное время, когда Америка после четырех лет правления Джимми Картера очень серьезно загнивала. И то, что появился Рейган, и то, что он окружил себя людьми деспотичными, начал свою рейганоманию, новый поход против «империи зла» — все это были гениальные разработки, которые он осуществил.

— Если взглянуть на нынешнюю Россию глазами американца и применить к ней западные стандарты, можно ли считать ее демократической государством или скорее авторитарией?

— Я не знаю, как на самом деле относится американская админи-

Русский — почти свой

— Какой сегодня в Америке стереотип русского?

— На мой взгляд, этот стереотип как-то улучшился во всем мире. Может быть, благодаря нашим бизнесменам. Русский уже не несчастный, затюканный, нищий человек. На него с большим удовольствием и уважением смотрят хозяева разных обслуживающих предприятий — знают, что заплатит, не набедакурит. Короче говоря, русский перестал быть чужим, он вроде бы почти свой. Вместе с тем стереотип русской мафии начала 90-х годов остался, но постепенно отходит.

— Но ничтожно мало американцев представляет себе, что такое нынешняя Россия...

— Я наблюдал таких американцев, которые, если начинали изучать Россию или русский язык, то так глубоко погружались, что не могли выбраться и становились отчаянными энтузиастами своего дела. Я, кстати, в книгу «Американская кириллица» включу большое эссе о нашем близком друге адмирале Толли, который служил в американском посольстве помощником военно-морского атташе во время войны. Он как раз и относился к такому роду людей. Когда Толли был молодым, то не очень понимал, что такое русские. Он говорил: «На вид они белые, но на самом-то деле они не белые совсем». Потом Толли служил в Китае, и ему понравились русские девушки в Шанхае, с которыми он играл в теннис. Он никогда таких не видел — какие они изысканные, милые, красивые, как чудесно и свежо говорить по-английски! Это были дети русских эмигрантов. И он из-за этих девушек стал русский язык учить, все глубже и глубже уходил в российскую тему и во время войны женился на русской.

— Если взглянуть на нынешнюю Россию глазами американца и применить к ней западные стандарты, можно ли считать ее демократической государством или скорее авторитарией?

— Я не знаю, как на самом деле относится американская админи-

...У меня, честно говоря, как-то все перепуталось с моими ностальгиями, с моими ощущениями родины и не родины. Я точно знаю, что пребываю на планете Земля. Вроде Америка совсем уж не чужая, но в то же время она как-то мне надоела изрядно. Это не значит, что я совсем порвал с ней. Но какие-то ее черты отталкивающие. Это ощущение для меня совсем не ново. Я ощущаю нужду вернуться на некоторое время домой, к своим, к русакам и к прочему населению этой державы. Но я знаю, что пройдет, скажем, два месяца, и начнет глотать какая-то космополитическая составная часть — «Что, мол, ты тут сидишь?! Сколько можно, возвращайся в Биарриц, а то и в Америку»...

страция к давлению в России на большой бизнес. Никакого специального заявления никто еще не сделал. В то же самое время в Америке произошли свои большие финансовые скандалы — обнаружилось мошенничество в огромных корпорациях. Против них были возбуждены дела, но это не значит, что их руководителей захватывали в маски с автоматами и затаскивали сразу в тюрьму. Просто начиналось следствие с адвокатами и со всеми теми, кто должен участвовать в этих делах. И то, что происходит с Ходорковским и его людьми, по-моему, вопиющее самоуправство... В других отношениях Путин все-таки сохраняет толерантность и какой-то западный уклон, но вот эти олигархические товарищи ему на мозоль наступили.

— Удивительным образом почти совпало увольнение журналиста Парфенова и оправдание подозреваемых в убийстве журналиста Ходолова...

— А это уже дан зеленый свет «силовикам». При слове «силовик» мне всегда приходит на ум реклама шин фирмы «Мишлен» — там такой «силовик» надул. Это люди типа «зачистить и не пускать», другого языка не знают, а поскольку в них нуждаются, они чувствуют себя свободно.

— Играют ли по-прежнему средства массовой информации в Соединенных Штатах роль четвертой силы?

— Очень даже играют. Кто раскрыл эти безобразия в иракской тюрьме? Именно американские журналисты подняли всю бучу. Без них это так бы и прошло незамеченным.

Мировой свинг

— После Америки вы избрали своим портом приписки Биарриц, провинциальную тихую Европу. Не скучно ли?

— В Америке в пригородных зонах был очень провинциальный, комфортабельный, спокойный, размеренный. Ничего не происходило. Вот прилетает гусиная стая, она ходит по дорогам, машины останавливаются, про-

пускают гусей, чтобы не задавить, не дай Бог... Когда-то я вращался в светской жизни Вашингтона — ну ничего особенного. Но сейчас по сравнению со светской московской жизнью, даже Париж проигрывает. В Москве гораздо больше культурных событий, какая-то мощная тусовка, масса молодых людей вполне независимых от мирового мнения, от вкусов, от моды. Это совсем уже на уровне мирового свинга. Биарриц для меня отдушина в смысле работы.

— Вы сказали, что свои архивы отдали американскому университету...

— Да, многое. Но не все. — А что-то России достанется? — Это будет открытый архив, если нужно — пожалуйста, приезжайте! А что мне тащить его на себе? «Не надо заводить архивов, над рукописями трястись». Так что я без особой ностальгии с ними расстаюсь.

— 18 июня вы прилетаете в Москву, где жизнь бьет ключом. Какая цель вашей нынешней поездки?

— Во-первых, надо издать книгу «Волтерьянцы и волтерьянцы», которая что-то затормозилась. Кроме того, слам «Американскую кириллицу». Потом надо посмотреть телесериалы по «Московской саге».

— Когда она должна выйти на экраны?

— Я слышал, что осенью. — Я знаю, что вы в постоянном творческом процессе. О чем ваша следующая книга?

— Я этого не знаю. Думал, что после «Волтерьянцев» долго ничего не буду писать, а подвинулась «Кириллица». Что-то всегда туманно наклеивается... Как-то мне надоело писать все время «самого любимого человека» — в смысле самого себя. Так или иначе, все время возникает искривленное алтер эго. Надо найти тему сугубо художественную, не привязанную ни к кому — может, опять историческую. Мне очень понравилось писать о XVIII столетии, кстати говоря. Когда начинал, я думал, что у меня ничего не получится. И с некоторым отчаянием записывал все в альбом свой, но не мог найти интонации. Когда же накопилось библиотечка — несколько полков по Вольтеру, по Екатерине, по XVIII веку, то вдруг все они заговорили, и автор сам заговорил на этом языке.

— Вы ведете дневники или полагаетесь на свою память?

— Нет, никогда не вел, как ни странно. Да и времени не было на это. Делал какие-то попытки, но это тут же превращалось в беллетристику.

— Будут ли Аксенова читать через 100 лет?

— Через сто лет — не знаю. Но не исключаю, что найдутся какие-то любители заглянуть в прошлое и вытащить что-то оттуда и прочесть и, может, установить какое-то звено в цепочке определенной традиции. Я себя считаю частью традиции авангардной. Поэтому, если будут ее изучать, и меня кто-то вспомнит.

